

Я ТЕБЯ СЛЫШУ

Евгений Меркулов

Я тебя слышу

«Автор»

2026

Меркулов Е. Р.

Я тебя слышу / Е. Р. Меркулов — «Автор», 2026

На заброшенном складе всё идёт по порядку: сторож делает обход, собаки охраняют территорию, а в темноте между стеллажами живёт тот, кто не может выйти за границы своего мира. Он не просит свободы — он просит, чтобы его слышали. Иван долго убеждал себя, что это просто старая проводка, просто тени, просто усталость. Но однажды он перестал искать объяснения. И сказал вслух самое страшное: «Я тебя слышу». С этого момента тишина на складе стала громче любого крика.

© Меркулов Е. Р., 2026

© Автор, 2026

Евгений Меркулов

Я тебя слышу

Часть первая. Порядок вещей

Склад «Транзит-Н» не любил людей. Он терпел их днём, когда они шуршали накладными, гремели тележками и хлопали дверями, но по-настоящему оживал ночью. Ночью здесь становилось слышно, как стареет металл, как оседает пыль, как между рядами гуляет тишина, слишком плотная для обычного склада. Иван заступил на смену в десять. Он не любил ночные смены, но платили здесь лучше, а ещё тут было спокойно — до тех пор, пока не начинаешь прислушиваться. Он обошёл периметр, проверил пломбы, щёлкнул выключателем у дальнего ряда. Лампа мигнула, как будто не хотела загораться, потом сдалась и дала тусклый свет. Иван поморщился: эти мигания выматывали больше, чем крики. У клетки сидели три пса. Батон — крупный, спокойный, с сединой на морде; он был тут главным. Рядом — Шуруп, нервный, быстрый, который лаял на сквозняки. И третий, самый молчаливый — Клык. Он почти не лаял, зато смотрел так, будто запоминал каждую мелочь. — Ну, как тут у вас? — привычно бросил Иван, хотя знал, что ответа не будет. Батон поднял голову, посмотрел на него внимательно, потом перевёл взгляд в проход между стеллажами. Там, на полу, лежала большая говяжья кость. Ровно там, где минуту назад ничего не было. Иван замер. Он знал, что кость не могла появиться сама. Склад не был магазином, тут не раскладывали угощения. Да и сторож с прошлой смены никогда не оставлял еду на полу — это привлекало крыс, а крыс тут и так хватало. — Это... вы? — тихо спросил он, глядя на собак. Батон не ответил. Он просто наклонил голову, будто взвешивал слова Ивана и находил их нелепыми. Потом подошёл к кости, взял её, сел и начал грызть. Шуруп коротко твякнул — не радостно, а как будто ставил точку. Клык вообще не смотрел на кость. Он смотрел на Ивана. И от этого взгляда становилось холоднее, чем от любого сквозняка. Иван сделал шаг вперёд, нагнулся, потрогал пол. Пол был холодным, пыльным, но ровным. Никаких коробок, из под которых могло что то выпасть. Никаких следов, что кто то бросил кость с высоты. Она просто появилась. «Крысы», — подумал он. — «Может, кто-то из них притащил?» Но крысы не приносят кости. Да и собаки не выглядели так, будто только что с кем то дрались. Они выглядели... довольными. Как будто всё шло по плану. Иван выпрямился и посмотрел в темноту прохода. Там было тихо. Слишком тихо. Даже пыль, казалось, перестала оседать. И тогда он услышал это. Не голос. Не слова. Что-то вроде эха, которое не должно было существовать. Как будто пространство само по себе повторило его мысль: «Она просто появилась». Только тише, ниже, будто из-под пола. Он резко обернулся. Никого. Только собаки. Батон догрызал кость. Шуруп нервно нюхал воздух. Клык всё так же смотрел. — Ладно, — сказал Иван, стараясь, чтобы голос звучал нормально. — Ладно. Просто кость. Но даже ему самому эта фраза показалась неправдой. С этого момента он начал замечать мелочи. Сначала — свет. Лампы теперь мигали не хаотично, а будто по сигналу. Если Иван останавливался у какого-то ряда, лампа над ним гасла на три секунды и загоралась снова. Если он уходил — она горела ровно. Потом — надписи. На коробках, стоящих в глубине, он вдруг увидел слова, которых раньше не замечал. Не этикетки, не артикулы — именно слова, будто кто-то вывел их тонким чёрным маркером прямо по картону: «Не смотри», «Иди», «Здесь». А когда он подходил ближе, надписи исчезали — оставались только ровные серые коробки. Однажды он поймал себя на том, что считает шаги. Тридцать два шага от входа до клетки собак. Тридцать три — если он задерживался у ряда с бытовой химией. И каждый раз, когда он сбивался со счёта, лампы начинали мигать чаще. Собаки знали. Они не просто знали — они управляли этим знанием. Когда Иван пытался заговорить с ними о костях, о надписях, о свете, Батон отворачивался. Шуруп начинал скулить, как будто от самой мысли о разговоре ему становилось больно. А Клык смотрел и молчал. А потом случилось с крысой. В ту ночь

Иван услышал шорох у дальнего ряда — такой, какой бывает, когда кто-то большой пробирается между коробками. Он взял фонарь, пошёл туда, осветил. И увидел: посреди прохода, прямо на бетонном полу, лежала крупная серая крыса. Мёртвая. С переломанной шеей. И рядом — ни следа борьбы, ни капли крови, будто её просто... выключили. Через секунду из темноты вышел Батон. Он подошёл к крысе, понюхал её, потом посмотрел на Ивана и коротко гавкнул. Это значило: «Вот. Ты хотел знать». Иван отступил. — Кто... кто это сделал? — прошептал он. Батон не ответил. Он сел рядом с крысой, как будто охраняя её, и устался в темноту — туда, где не было ничего, кроме теней. Тени были гуще, чем положено. Они не двигались вместе с фонарём. Они жили отдельно. Тогда Иван впервые понял: собаки здесь не просто охрана. Они — посредники. И кто-то другой — тот, кто живёт в складском воздухе, в перебоях света, в тишине между звуками — исполняет их желания. Простые желания. Кость. Крыса. Ничего лишнего. Но теперь в этом уравнении появился он. Человек. И он уже хотел спросить. Хотел понять. Хотел знать. А склад не любил вопросов. Когда смена закончилась, Иван открыл клетку. Собаки вышли, потянулись, обнюхали воздух и растворились в темноте двора. Каждую ночь они уходили гулять, и каждую ночь возвращались к утру. И Иван знал: пока они уходят, склад становится другим. Тише. Темнее. Будто он чего-то ждёт. В тот вечер, когда собаки ушли, Иван задержался. Он стоял у входа, смотрел на ряды, на лампы, на коробки, которые в темноте казались одинаковыми, как надгробия. И вдруг услышал звук, которого не должно было быть. Скрип. Не тележки. Не двери. Скрип, будто кто-то провёл ногтем по металлу очень медленно. Длинный, ровный, бесконечный. Он обернулся. Никого. Только тень у дальнего стеллажа была выше, чем минуту назад. И тоньше. Как будто она вытянулась, чтобы лучше слышать. Иван сглотнул. И впервые подумал не «что это?», а «чего оно хочет?». Потому что теперь он понял: склад не просто терпел его присутствие. Он изучал его. И ждал, когда Иван захочет чего-нибудь. Чего-нибудь настоящего. Следующие три смены Иван старался не замечать странностей. Это было почти легко. Мигание ламп? Старая проводка. В этом здании проводка всегда была ни к чёрту — начальник ещё в первый день предупредил: «Если начнёт моргать — не паникуй, просто не стой под этой лампой». Надписи на коробках? Он просто устал, вот и мерещится. А когда он подошёл к тому ряду с бытовой химией, чтобы проверить, там действительно не было никаких слов — только ровные серые коробки и аккуратные чёрные артикулы. Иван даже хмыкнул: «Ну вот. А я уже себе напридумывал». Крыса? Обычная складская история. Кто-то из собак загнал её, сломал шею и бросил посреди прохода, чтобы показать: «Мы тут не зря сидим». Батон вообще был таким — любил делать всё демонстративно, по-хозяйски. Иван даже поймал себя на том, что кивает, соглашаясь с этой версией: да, это просто собаки. Хорошие, толковые псы. Просто немного жутковатые в своей эффективности. И когда на четвёртую ночь он снова услышал тот самый длинный, медленный скрип, будто кто-то проводит ногтем по металлу, Иван даже не обернулся. Он просто плотнее запахнул куртку, проверил журнал обхода и сказал вслух, чтобы голос звучал твёрдо: — Просадка напряжения. Вот и всё. Слышишь, Иван? Просадка. Голос в пустом складе прозвучал странно громко, как будто пространство не хотело его принимать. Но Иван сделал вид, что не заметил. Работа шла своим чередом. Он проверял пломбы, сверял ящики, записывал цифры в журнал. Цифры были хорошими, понятными. Они не мигали, не исчезали и не пытались ничего ему сказать. С цифрами было спокойно. К концу смены он даже почти улыбался. Почти верил, что всё в порядке. Пока не пришло время выпускать собак. Он открыл клетку. Батон вышел первым, потянулся, встряхнулся и сел, глядя на Ивана. Шуруп выскочил следом, нетерпеливо царапнул бетон, будто хотел скорее оказаться на улице. Клык задержался на пороге, посмотрел на Ивана так, будто хотел что-то сказать, но передумал. — Всё, ребята, гуляйте, — привычно бросил Иван. — Только не попадитесь охране. Собаки не ответили. Они вообще редко реагировали на его слова. Для них он был частью обстановки — как тележка или лампа. Полезной, но не слишком интересной. Они вышли во двор и растворились в темноте. Иван закрыл

клетку, проверил замок, выдохнул. Теперь можно было идти домой. Теперь склад снова становился просто складом: холодным, пыльным, скучным. Без лишних звуков и странных теней. Но он не ушёл. Что-то заставило его задержаться. Не страх, а скорее упрямое, почти раздражённое любопытство. Он хотел доказать самому себе, что ничего нет. Что он просто устал. Что ему показалось. Он прошёл по центральному проходу, осветил фонарём в тёмные углы. Тени двигались, как и положено, — вместе со светом. Ни одна не тянулась отдельно. Ни одна не становилась выше. «Вот видишь, — сказал он себе. — Ничего». И тут он услышал голос. Не человеческий. Не собачий. Это был звук самого склада — низкий, вибрирующий, будто бетон и металл научились говорить. Звук шёл отовсюду и ниоткуда, как будто само пространство произнесло одну-единственную фразу, и Иван услышал её не ушами, а всем телом: «Они не слышат меня. Они только просят». Иван замер. Холод поднялся от ботинок вверх, как вода. А потом из темноты дальнего ряда вышли три собаки. Это было неправильно. Они только что ушли гулять. Каждую ночь они уходили и возвращались только к утру. Они никогда не возвращались посреди ночи. Но вот они здесь. Батон шёл первым. Его глаза в свете фонаря казались почти чёрными, без зрачков. Шуруп нервно нюхал воздух, будто пытался учуять что-то, чего не должно быть. Клык просто смотрел на Ивана — и в этом взгляде было что-то новое. Не осуждение. Не угроза. А скорее... предупреждение. Батон подошёл к пустой полке и коротко гавкнул. На полке появилась крыса. Та же самая — серая, с переломанной шеей. Как будто её никуда и не убирали. Шуруп твякнул ещё раз — требовательно, по-деловому. Рядом с крысой появилась большая кость. Собаки сели и уставились на полку, будто ждали, что Иван оценит результат. — Ребята... — тихо сказал Иван. — Ребята, вы что... Батон поднял голову и посмотрел прямо на него. И в этот момент Иван понял: собаки не видели ничего странного. Для них это был обычный рабочий момент. Крыса. Кость. Всё по плану. А вот джинн — тот, кто исполнял эти желания, — стоял где-то в темноте и пытался достучаться. Но собаки не слышали его. Они слышали только свои потребности. И тогда Иван понял самое страшное: джинн хотел поговорить. Хотел объяснить. Хотел, чтобы его слышали. А собаки просто делали свою работу. В этот момент лампа над проходом погасла. На три секунды. Ровно на столько, чтобы Иван успел подумать: «Он хочет, чтобы я понял». А потом свет вернулся, и склад снова стал просто складом. Только теперь Иван знал: он не один. И то, что живёт здесь, очень хочет, чтобы кто-нибудь его услышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.